

Я. К. Грот

**Державин и граф Петр
Панин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я. К. Грот**
Державин и граф Петр Панин / Я. К. Грот – М.: Книга по Требованию, 2021. –
43 с.

ISBN 978-5-458-14349-3

Препровождая к вам, по желанию вашему, для напечатания в "С.-Петербургских Ведомостях", отрывок из составляемой мной биографии Державина, нужным считаю упомянуть, что это вместе с тем эпизод из истории пугачевского бунта, основывающийся на рукописных источниках, которых большую часть мне удалось найти в государственном архиве.

ISBN 978-5-458-14349-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

роткое время главнокомандующимъ и котораго онъ теперъ называлъ «надежнѣйшимъ своимъ содѣйственникомъ».

24-го августа графъ Панинъ находился въ селѣ Ухоловѣ, на полудорогѣ между Переславлемъ-Рязанскимъ и Шацкомъ. Вдругъ къ нему прискакалъ въ одномъ кафтанѣ, на открытой телѣгѣ, Суворовъ и, получивъ его приказанія, тотчасъ же отправился для принятія начальства надъ самыми передовыми отрядами. Панинъ поспѣшилъ донести о томъ Императрицѣ; Екатерина рескриптомъ изъявила Суворову свое благоволеніе «за такую хвалы достойную проворную ѣзду» и приложила двѣ тысячи червонцевъ на экипажъ, «котораго онъ за нужно не нашелъ взять»; но, не смотря на скорую ѣзду, Суворовъ на этотъ разъ опоздалъ: онъ явился къ Панину только наканунѣ послѣдняго пораженія Пугачева Михельсономъ, при Черномъ Ярѣ, и поспѣлъ въ Царицынъ не ранѣе 3-го сентября.

Изъ подчиненныхъ лицъ, участвовавшихъ въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ противъ Пугачева, особенною благосклонностію Панина пользовался капитанъ Измайловскаго полка Лунинъ *). Онъ былъ старшимъ изъ офицеровъ, взятыхъ еще Бибиковымъ въ члены секретной коммисіи, учрежденной въ Казани для слѣдствія и суда надъ сообщниками Пугачева. При избраніи Панина въ главнокомандующіе, Лунинъ находился въ Петербургѣ и повезъ ему въ Москву указъ и рескриптъ о его назначеніи. Вниманіе Императрицы къ Лунину доставило ему видное

*) Александръ Михайловичъ, впоследствии губерна-
торъ полоцкаго намѣстничества и, наконецъ, сенаторъ.

положеніе и при Панинѣ, который, приближаясь постепенно къ театру главныхъ военныхъ дѣйствій, поручилъ ему истребленіе бунтовщичьихъ шаекъ въ тылу Пугачева, и въ донесеніяхъ своихъ всегда отзывался о немъ съ особенною похвалою.

Не такъ счастливъ былъ другой офицеръ секретной комиссіи, поручикъ преображенскаго полка *Державинъ*. До сихъ поръ онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со всѣми своими начальниками по этой командировкѣ. Принявъ его къ себѣ на службу, по собственному его вызову, благородный и просвѣщенный Бибииковъ сразу оцѣнилъ достоинства своего новато подчиненнаго и сталъ оказывать ему уваженіе и довѣріе, выражавшіяся какъ въ перепискѣ съ нимъ, такъ и въ важныхъ порученіяхъ, которыя на него возлагались. Отправясь изъ Казани въ Оренбургъ, за мѣсяць до смерти своей, Бибииковъ послалъ Державина, какъ расторопнаго, разсудительнаго и энергическаго офицера, въ окрестности Саратова съ особенною цѣлью. Считая возможнымъ, что Пугачевъ, въ случаѣ пораженія его, будетъ по прежнему искать убижища на Иргизѣ, главнокомандующій приказалъ Державину ѣхать на Волгу въ село Мальковку (нынѣшній городъ Волскъ) и тамъ принимать всевозможныя мѣры, чтобы не дать Пугачеву вторично укрыться въ раскольниковыхъ скитахъ. Когда, послѣ двухъ побѣдъ князя Петра Мих. Голицына въ Оренбургскомъ краѣ, разбитый Пугачевъ бросился не туда, гдѣ его стерегли, а въ Уральскія горы, то Державинъ, не желая оставаться празднымъ, сталъ дѣятельно стре-

миться къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ выпросилъ себѣ отрядъ артиллеріи изъ Саратова, досталъ сотню казаковъ, вооружилъ нѣсколько сотъ крестьянъ и предпринималъ поиски надъ шайками бунтовщиковъ. Между тѣмъ, къ глубокому его огорченію, Бибииковъ умеръ. При новомъ главнокомандующемъ, князѣ Ѳеодорѣ Ѳеодоровичѣ Щербатовѣ, который, впрочемъ, былъ назначенъ только временно и съ ограниченою властью, Державинъ сохранилъ прежнее свое положеніе и пользовался со стороны его тѣмъ же вниманіемъ. Теперь, кромѣ казанской секретной комиссіи, учреждена была Императрицею еще другая—оренбургская, и надъ обѣими былъ назначенъ особый начальникъ, генералъ-майоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, троюродный братъ знаменитаго любимца. Прибывъ въ Казань и прослѣдивъ по переданнымъ ему бумагамъ все сдѣланное Державинымъ, онъ также возымѣлъ о немъ отличное мнѣніе и вступилъ съ нимъ въ самыя дружелюбныя сношенія. Послѣ сожженія Пугачевымъ Казани, князь Щербатовъ былъ отозванъ въ Петербургъ, и мѣсто его передано князю Голицыну, который, уже зная Державина по прежнимъ сношеніямъ съ нимъ, равнымъ образомъ оказывалъ ему особенное благорасположеніе. Когда сдѣлалось почти несомнѣннымъ, что и низовьямъ Волги не миновать Пугачева, то Державинъ, находясь въ Саратовѣ, принялъ участіе въ совѣщаніяхъ мѣстныхъ властей о способѣ обороны этого города, который тогда принадлежалъ къ Астраханской губерніи. Къ несчастію, въ немъ господствовало тогда разновластіе. Губернаторъ,

Петръ Никитичъ Кречетниковъ, вопреки данной ему инструкціи, уѣхалъ въ Астрахань и оставилъ дѣла на попеченіе двухъ независившихъ другъ отъ друга начальниковъ, которымъ онъ велѣлъ дѣйствовать съ общаго согласія. Одинъ изъ нихъ былъ комендантъ, полковникъ *Бошнякъ*, а другой—начальникъ конторы иностранныхъ поселенцевъ (нѣмецкихъ колонистовъ), статскій совѣтникъ *Лодыжинскій*. Послѣдній не былъ подчиненъ не только коменданту, но и самому губернатору, а зависѣлъ непосредственно отъ особой канцеляріи по дѣламъ колоній, находившейся въ Петербургѣ подъ начальствомъ князя Г. Г. Орлова. Скоро между Лодыжинскимъ и Бошнякомъ произошелъ раздоръ; Державинъ присталъ къ Лодыжинскому. Несогласія не ограничились одними словами: Державинъ и Лодыжинскій требовали работниковъ отъ всего купечества и мѣщанства; Бошнякъ мѣшалъ работамъ; весь городъ былъ въ волненіи. Державинъ, слыша, что Пугачевъ уже приближается къ городу Петровску, отправился туда съ сотнею казаковъ, чтобы заблаговременно вывезти оттуда казну, пушки и порохъ, но казаки, узнавъ, что городъ уже во власти Пугачева, передались ему; Державинъ съ трудомъ спасся отъ посланной за нимъ погони. Между тѣмъ къ нему прислано было извѣстіе, что собранные имъ въ Малыковкѣ крестьяне бунтуютъ и не хотятъ идти на защиту Саратова. Тогда, считая свое присутвіе болѣе нужнымъ въ другомъ мѣстѣ, видя, что здѣсь все его хлопоты остались безплодны и что упрямый Бошнякъ, воображая по ложнымъ слухамъ, будто Пугачевъ не придетъ, ни-

чего не сдѣлалъ для обороны Саратова,— Державинъ рѣшилъ оставить этотъ городъ, и выѣхалъ изъ него часовъ за пятнадцать до прихода Пугачева. Такимъ поступкомъ онъ, конечно, подавалъ противъ себя оружіе врагамъ своимъ, но онъ считалъ себя правымъ, потому что собственно не былъ обязанъ находиться въ Саратовѣ и пріѣхалъ туда добровольно, тогда какъ команда его оставалась въ другомъ мѣстѣ; при томъ же еще дня за два Бошнякъ, по приказанію Кречетникова, писалъ ему, чтобъ онъ изъ Саратова удалился туда, гдѣ его настоящій постъ... Державинъ отправился на соединеніе съ собранными имъ крестьянами, но едва не попался въ руки сообщниковъ Пугачева, которые его искали, и, наконецъ, благополучно прибылъ въ Сызрань, къ отряду генераль-маіора Мансурова. Оттуда онъ вскорѣ опять поѣхалъ въ окрестности Саратова.

Вскорѣ послѣ назначенія графа Панина, всѣ обстоятельства какъ будто нарочно соединились къ тому, чтобы совершенно испортить положеніе Державина.

Мы сказали, что Павелъ Потемкинъ (начальникъ секретныхъ комиссій) полюбилъ его, а отношенія между Панинымъ и Потемкинымъ были не дружескія. Императрица, поручивъ Панину усмиреніе мятежа, не подчинила ему Потемкина, который продолжалъ по прежнему посылать прямо къ ней свои донесенія. Это должно было поселить неудовольствіе между обоими генералами. Панинъ не могъ не знать объ отношеніяхъ Павла Потемкина къ Державину, получивъ еще въ Москвѣ отъ князя Голицына ко-

пію съ рапорта Державина начальнику секретныхъ комиссій. Въ этой бумагѣ Державинъ, извѣщая о своемъ намѣреніи отправиться въ Петровскъ и выражая свои опасенія за Саратовъ, такъ жаловался на Бошняка: «комендантъ явнымъ дѣлается развратителемъ народа и посягаетъ въ сердца ихъ интригами недоброхотство, говоря, чтобъ не наряджалъ ихъ полицеймейстеръ на работу ретраншамета, а какъ хотятъ-де они сами; чрезъ то чернь ропщетъ и указываетъ, что имъ комендантъ не велитъ.» Сообщая потомъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ распоряженій, Державинъ прибавляетъ: «Кажется, всѣ беру мѣры, но не станетъ моихъ силъ по желанію и усердію моему все исполнять, за препятствіемъ разныхъ мнѣній. Снимите съ меня, ваше превосходительство, бремя сіе, которое назвать изволили вы пространнымъ полемъ, либо дайте силъ къ удобоношенію его. Прикажете подтвердить въ округу сію, чрезъ непосредственное могущество свое, чтобъ меня еще лучше внимали. О, когда бы, при соотвѣтствованіи усердію моему Божіей помощи, былъ я вами довольно силенъ, то, кажется, на чтобъ я не пустился къ службѣ моему отечеству и моей всемплодотворительней Императрицѣ!»

Конечно, князь Голицынъ, хорóшо расположенный къ Державину, послалъ къ графу Панину эту бумагу съ самымъ добрымъ намѣреніемъ. Самъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ главнокомандующему: «Я по такому противному его (коменданта) поступку осмѣлился предложить генералу Мансурову (какъ старшему изъ начальниковъ надъ отрядами, преслѣдующими Пугачева), дабы

онъ достигнулъ до Саратова, если въ самомъ дѣлѣ усмотритъ въ помянутомъ комендантѣ къ должности его неспособность, въ такомъ бы случаѣ переимѣнилъ его достойнымъ начальникомъ. Я уповаю, что измѣнникъ не осмѣлится учинить покушеніе на сей городъ (Саратовъ), какъ снабденный довольнымъ числомъ гарнизона» и проч. Изъ этихъ строкъ видно, какъ Голицынъ вѣрилъ Державину; но онъ не могъ оказать ему худшей услуги, какъ препроводивъ къ Панину письмо, въ которомъ этотъ офицеръ искалъ поддержки и помощи Павла Потемкина, да притомъ жаловался на Бошняка: Бошнякъ пользовался покровительствомъ Кречетникова, а Кречетниковъ, какъ мы скоро увидимъ, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Панинымъ.

Первое извѣстіе о взятіи Пугачевымъ Саратова, главнокомандующій прочелъ еще въ Москвѣ, въ рапортѣ Михельсона, шедшаго по слѣдамъ злодѣя; потомъ, уже по выѣздѣ изъ Москвы, онъ получилъ болѣе обстоятельное донесеніе объ этомъ событіи отъ царицынскаго коменданта Цыплетева, слышавшаго о томъ отъ самого Бошняка, который, съ небольшимъ отрядомъ отбившись отъ Пугачева, сѣлъ на Волгѣ въ лодку и 11-го августа прибылъ благополучно въ Царицынъ. Представляя Екатеринѣ рапортъ Цыплетева, графъ Панинъ обратилъ особенное ея вниманіе на то прискорбное обстоятельство, что при Саратовѣ въ первый разъ передались Пугачеву не одни казаки, но и регулярныя императорскія войска и бывшая тамъ полевая артиллерійская команда съ нѣкоторыми «ихъ проклятыми» офицерами.

Но еще болѣе подробныя свѣдѣнія о паденіи Саратова привезъ Панину капитанъ саратовскаго баталіона Сапожниковъ. Этотъ офицеръ, прибывшій въ Царицынъ вмѣстѣ съ Бошнякомъ, ѣхалъ теперь въ Петербургъ съ депешою астраханскаго губернатора въ сенатъ. Его остановили было въ Коломнѣ для выдержанія карантина, но потомъ отправили вслѣдъ за графомъ Панинымъ, къ которому онъ и явился въ Ухоловѣ, въ одинъ день съ Суворовымъ. По требованію Панина, онъ составилъ для него записку объ обстоятельствахъ нашествія Пугачева на Саратовъ. Очень естественно, что этотъ офицеръ смотрѣлъ на событія глазами Бошняка. Пристрастный взглядъ его всего яснѣе обнаруживается въ самомъ началѣ записки, гдѣ экспедиція Державина подъ Петровскъ приписана самому коменданту, о Державинѣ же ни слова не упомянуто. Панинъ препроводилъ эту записку въ подлинникѣ къ Императрицѣ. Въ отвѣтѣ ея были слѣдующія любопытныя строки: «Если заподлинно комендантъ Саратовскій поступалъ такъ, какъ въ сказкѣ капитана Сапожникова показано, то онъ достоинъ чтобъ вѣрность его не осталась безъ награжденія, что поручаю вамъ наиприлежнѣйше разсмотрѣть и въ ясность привести, а потомъ представить ко мнѣ. Доходили до меня гвардіи поручика Державина о семъ комендантѣ письма, кои не въ его пользу были; а какъ сей Державинъ самъ изъ города отлучился будто за сысканіемъ секурса, а вы объ немъ нигдѣ не упоминаете, то уже его показаніе нѣсколько подвержено сомнѣнію, которое прошу, когда случай будетъ, пообъяснить навѣданіемъ объ обраще-

ніяхъ сего гвардіи поручика Державина и соотвѣтствовала ли его храбрость и искусство его словамъ, а присланъ онъ былъ туда отъ покойнаго генерала Бибикова.»

Изъ этихъ строкъ оказывается, что Императрица узнала Державина уже почти за 10 лѣтъ до начала его возвышенія. Съ другой стороны любопытно, что жалобы Державина на Бошняка доходили до Екатерины. Вѣроятно, Павелъ Потемкинъ отправлялъ къ ней иногда, при своихъ донесеніяхъ, рапорты уважаемаго имъ подчиненнаго или сообщалъ ихъ частнымъ образомъ своему могущественному родственнику. Около этого самаго времени онъ писалъ Державину: «Я уже о расторопности и усердіи вашемъ представлялъ Высочайшему двору». Въ донесеніи Императрицѣ отъ 11 августа, Потемкинъ говоритъ о саратовскихъ событіяхъ, какъ о чемъ-то ей уже извѣстномъ, и выражается такъ: «Я весьма опасуюсь, чтобы по несогласію тамошнихъ командировъ не удалось ему (т. е. Пугачеву) сорвать сей городъ до прибытія деташаментовъ», и проч.

Понятно, какъ должно было подѣйствовать на такого царедворца, какъ графъ Панинъ, сомнѣніе въ его подчиненномъ, выраженное самою Государыней, и насколько этимъ должно было усилиться уже пробужденное въ душѣ его нерасположеніе къ Державину. А между тѣмъ чувство это получило еще новую пищу извнѣ. Надобно знать, что Державинъ, передъ разногласіемъ съ Бошнякомъ, давно уже былъ не въ ладахъ съ начальникомъ его, астраханскимъ губернаторомъ. Когда, въ началѣ своей команди-

ровки, онъ прїѣзжалъ въ Саратовъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Бибикова, то остался очень недоволенъ прїемомъ Кречетникова; потомъ, уѣхавъ, просилъ у него казаковъ, но не получилъ, жаловался Бибикову и велъ съ губернаторомъ переписку, въ которой съ обѣихъ сторонъ были высказаны разныя колкости. 28-го августа Кречетниковъ изъ Астрахани писалъ Панину: «Саратовъ злодѣямъ взятъ и разоренъ не иначе какъ по предательству купцовъ и на остатокъ (*т. е. на послѣдокъ*) гарнизоннаго маіора Салманова и артиллерійской команды, кои всѣ добровольно изъ фрунта къ нему ушли; сей богомерзкой пзмѣнѣ спомоществовало несогласіе опекунской конторы главнаго судьи, статскаго совѣтника Лодыжинскаго съ комендантомъ, полковникомъ Бошнякомъ, коему заблаговременно отъ меня наставленіе дано было, чтобъ онъ взялъ всѣ воинскія команды въ свое распоряженіе *), но Лодыжинскій, и съ нимъ *вптрянгй человекъ гвардіи поручикъ Державинъ*, того не сдѣлалъ и сбиралсь его арестовать, а потомъ сбирали на совѣтъ купцовъ и гарнизонныхъ штабъ-офицеровъ *противъ коменданта* и тѣмъ его ослабили и укрѣпленія никакого не сдѣлали **), а какъ самое зло настало и злодѣй при-

*) Здѣсь Кречетниковъ забываетъ то, что онъ нѣсколько разъ повторялъ въ ордерахъ своихъ Бошняку, именно чтобъ онъ «совѣтовалъ» съ Лодыжинскимъ и дѣйствовалъ съ нимъ «единодушно».

**) Но они-то и требовали особаго укрѣпленія; комендантъ же сперва не хотѣлъ никакого, а потомъ сталъ укрѣплять старинный валъ, окружавшій весь городъ, что было неисполнимо и дѣйствительно осталось безъ исполненія.